
Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

От тебя не больно
(Рассказы)

Николай Лесков
От тебя не больно

Arabeska od Martina Brodského

(С чешского)

На трухлом старом дереве выросло прелестное яблочко. Этим яблочком была учителя Лена.

Старое дерево тихо стояло в своем уголке и через низенький плетень перегибалось к кладбищу. Уголком, в котором приютилось старое дерево, была тихая сельская доля; низким плетнем была бедная школка, а кладбище – ну, это уж было настоящее кладбище.

Казалось, что с кладбища брало яблочко свою скромную красу; оно закрывалось несколькими реденькими листочками. Казалось, что эти листочки были крылышки печали, на которых угнетенная душа хотела лететь к близкой могиле, где спала учителя жена.

Но когда трухлый пенек затрясся, потеряло милое яблочко последние листки и верно держалось отцовской ветви, ничем не закрываясь от солнышка.

А когда дерево упало, яблочко не могло отскочить от него.

...[1]

—

Наступила коляда.

Старый учитель со своей дочерью, которая пела как ангел, обошел всю деревню от домика к хатке с самым плохим сбором. Потом послал он свою Лену в охотничью хату, к которой вела очень трудная стежка, а сам поплелся к отцу каплану, чтобы засвидетельствовать ему перед праздником свое почтение, хотя и наперед знал, что там и пустого ореха не выколядует.

— Здравствуй, Лена! Что делает пан тата? Останься с нами, позабавься с детьми.

Лена не заставила себя просить два раза, поклонилась с разъясненным лицом, а как ей насыпали полные руки колачей (kolašŭ) и яблук, то она сняла с себя фартучек, ссыпала в него коляду и положила в сторону.

При этом у нее выскользнуло одно яблочко и, покотившись, забежало к ногам Янка, младшего охотникова сына.

Кудрявый шалун схватил яблоко и, делая вид, что хочет кусать, крикнул:

— Запой скорее, Лена, а то я съем.

– Ешьте его, Янечко, а вам и так рада спеть.

– Ну, так скорее. Как эта песенка о яблочке! – смеясь говорил кудрявый Янек, а сам ел яблоко, хотя мать ему за это и грозила.

Лена запела, склоняя свою головку то в ту, то в другую сторону, как маленькая кокетка:

– Катилось, катилось красное яблочко...[2]

А Янек, евший яблоко, с полным ртом подхватил:

– Кому-то ты достанешься, моя золотая..., [3] – но тут он поперхнулся.

Дети над ним засмеялись, а Лена подскочила и дала ему в загорбок несколько толчков.

Это помогло, и все вместе начали петь, смеяться и веселиться.

Когда вдоволь натешились, Янек взял учительницу Лену приятельски за руки и повел ее в горенку, где в уголке показал ей двух кротких зайчиков.

– Одного тебе отдам, – сказал он. – Знаю, что ты его не убьешь.

Девушка захлопала ладошками, надела свой фартучек и положила туда между прежними подарками эту живую коляду и, при-

прыгивая и напевая, весело побежала к дому.

—
Целый год ходил Янек в школу.

Он был большой шалун и ничему не учился, и ничего не знал, кроме того, что Лена ему подсказывала. Занимаясь с Янеком, она несла тяжелый крест, но несла этот крест с удовольствием.

Однажды старый учитель был очень раздражен. Дождь уже пятый месяц лился в школу, а комиссия, от которой зависела школа, сказала, что школа эта не стоит поправки и что ее так надо оставить.

Мальчики в этот день ничего не знали, а еще, на несчастье, отец вызвал Янека в то время, когда Лена учила девочек считать и ничего не могла подсказать ему.

— Лена! Дай ему три пбли в руку, — закричал, рассердившись, всегда кроткий и добрый учитель. Сегодня он был сердит, потому что другую неделю зяб и не мог от простуды согнуть правую руку.

Лену это как морозомхватило. Когда, бывало, кому-нибудь отец давал пбли в руки, она всегда моргала глазами: лучше бы свои

ручки подставила, а тут сама должна была взять линейку в руки и делать ею пбли, да еще кому? Янку.

– Что, Лена, не слыхала что ли? Два раза должен тебе повторять? – крикнул отец с сердцем, подавая Лене левой рукою экзекуционный инструмент.

Должна была послушать Лена, но стала оглядываться по целой школе, как будто не могла найти Янека. А он сам и отозвался.

– Здесь я, – крикнул он весело и подошел к опечаленной Лене. – Бей! – шепнул он ей потихоньку. – *От тебя не больно.*

Бедная девушка, всегда послушная отцовскому слову, махнула по воздуху, чтобы линейка минула своей цели, но Янек сам подсунул под удар свою руку.

И не моргнул, а еще показывал ей, что ему приятно. Так же он принял и другой удар, и третий.

А при последнем ударе сил не стало у Лены; слезы выступили у нее из глаз, и линейка из рук выпала.

Янек замотал головой, показывая ей, что ему вовсе ничего не сделалось неприятного.

—
Учитель насмерть разболелся.

Дочь за него вела всю школу, но избалованные мальчишки не подчинялись женскому управлению и делали ей неприятностей без меры.

Янека тут уж не было. Он давно учился в Праге, а если бы он тут был, он бы не дал никому оскорблять Лену. А впрочем, зачем вспоминать Јане́ска? Много уж вакаций прошло, а он ни разу не зашел навестить пестованного Леною старого зайца, ни разу не собрался посмотреть на Лену.

Напротив, было это, как всегда бывает. А Лена не имела даже времени ни о чем думать, кроме школы да старого умирающего отца.

Да и из школы она должна была часто выбегать то к отцу, то в кухню. Случилось, что она как-то забыла притворить двери из кухни, и заяц вскочил в школу. Шум в школе поднялся, и бедное животное вдруг очутилось в очень опасном положении. Насилу вздохнула спокойно Лена, вынеся его из школы в своем переднике.

Ну как не вспомнить при таком случае о Янеке?

А вечером, когда Лена подошла к старым клавибордам, чтобы музыкой успокоить раздражительного больного старика, и в забытьи наигрывала религиозные мелодии, молясь в них за своего отца, зверек выскочил из своего уголка и начал стричь ушами. Он так внимательно смотрел на свою пестунью, что та мгновенно завела свою заветную песенку.

Думая, что старый отец спит, она пела ее до конца, пока сказала:

– Кому бы уж досталась, так тебе, Яничку, [4] – и безотчетно она стала плакать.

Заяц сидел у ее ног, словно утешал ее. В эту пору отец закашлялся – странный сон ему снился.

Казалось ему, что он с другом переправлялся через море, а враг гнался за ними по пятам. Но не могли они успешно уходить от него, потому что у них в ногах все шныряли зайцы; целое стадо их тут толкалось, так что беглецы спотыкались на них и падали. И сказала ему покойница жена, которая тоже с ними уходила:

– Мужи! Если бы каждый из вас поймал по одному этому ушастику, они бы нам не мешали, а мы бы их могли продать на торгу в городе.

Потом ему приснилось, что он хотел вступить в какую-то великолепную залу. Но его туда не впускали, пока он заячьей лапкою сапог себе не вычистит. Снилось ему и еще что-то в этом роде, но все о зайцах, и результатом всех этих продолжительных сновидений выходило, что он непременно должен иметь кужину приготовленного зайца – иначе и не умрет спокойно.

В тот же вечер он ел зайца. Бедняк съел бедняка, но остатками уже не завтракал.

—

Через два дня учителя похоронили. В деревне порешили, что нужно найти другого учителя, а Лене сказали, чтоб она выбиралась из хатки.

Лена и без того все плакала на могиле своих бедных стариков. Без сна и без пищи так она исхудала, что ходила как тень, как бы и ногами к земле не прикасаясь. Собирала цветы, сидела у ручейка, пела свои давно забы-

тые песни и сама не заметила, как один раз очутилась в лесной чаще неподалеку от охотничьего домика.

Вдруг раздался выстрел, – к ногам Лены упала серна; но и Лена вскрикнула и схватилась за деревце.

Дерево заколыхалось, а Лена стояла и напряженно смотрела в ту сторону, где шевелились ветви густого кустарника.

Потом она улыбнулась как бы в радостном виденье.

Кудрявый молодой человек одним прыжком подскочил к убитой серне и как увидел Лену, – так и окаменел.

А она даже и не чувствовала, что у нее из груди кровь алой струйкой лилась; так хорошо было у нее на сердце. Пожирала она жадным взглядом своего милого, миловала его издалека ласковым шепотом.

Упал он к ее ногам, кинулась она ему в руки.

– Ради Иисуса Христа, Лена, не умирай! С ума сойду, что я убил тебя!

– *От тебя не больно!* – проговорила Лена, обхватила своими руками шею молодого кра-

савца, прижала его кудрявую голову к своим горячим устам и умерла.

Прага, 3-го декабря 1862 года.

Примечания

Арабеска Мартина Бродского требует небольшого объяснения чешского сельского быта. В чехах нет несчастнее людей, как сельские учителя, а такой учитель есть в каждой деревне. Учителям в их занятиях с детьми поселян обыкновенно помогают их дочери, которым не предстоит никакой карьеры, и печальная судьба этих созданий преисполнена такого трагизма, что поэты ею обыкновенно вдохновляются, а смертные, читая поэтические скипы, очень сожалеют учительских дочерей и ничем не мешают им стоять в стороне от всех радостей в жизни. Эти девушки почти никогда не выходят замуж и, вращаясь постоянно в детском кружке, сохраняют целую жизнь детскую чистоту и наивность. —
Переводчик

[^^^]

2

Koulelo se koulelo, červené jablíčko.

[^^^]

3

Komu ty se dostáneš, má zlatá – тут поется женское имя: Leničko, или Haničko, или другое какое.

[^^^]

4

Песня эта так поется у чехов:

Koulelo se, koulelo, červené jablíčko,
Komu ty se dostaneš, má zlatá Leničko?
Koulelo se, koulelo dvě naproti sobé,
Komu bych se dostala než, Janečki, tobe?

[^^^]